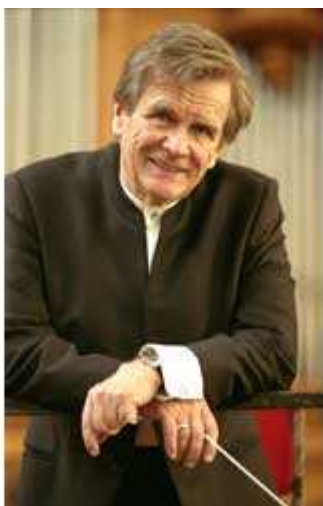

Владимир Федосеев: Верность и терпение |

Auteur: , [Романдии](#) , 25.04.2008.

27 апреля в цюрихском Опернхаусе состоится премьера оперы Мусоргского "Борис Годунов" в постановке выдающегося российского дирижера Владимира Федосеева.

Накануне премьеры корреспондент «Нашей газеты» встретился с Владимиром Ивановичем, чтобы задать ему несколько вопросов.

Владимир Иванович, "Борис Годунов" - опера с непростой и очень интересной сценической судьбой, известно несколько ее редакций. В чем особенность новой постановки?

"Борис Годунов" - это не просто опера, это психологическая драма, которая современно звучит и сегодня. Совесть и власть, власть и народ - вот ее главные темы. Именно так ее и задумывал Мусоргский. В первоначальном варианте у него не было некоторых сцен, которые появились позже, как например, сцена в Кромах, и не было любовной линии. Опера заканчивалась смертью Бориса, поскольку он был главным действующим лицом. Когда Мусоргский предложил оперу Мариинке, жюри дирижеров, в которое входили семь дирижеров театра, ее отвергло. Они бросили шары, и шесть шаров из семи оказались черными. Оперу без любовной линии в то время никто не мог себе представить.

Мусоргскому порекомендовали ее переработать, что он сделал довольно быстро, поскольку самое первое "касание" к материалу - сцену у фонтана - он написал еще до того, как приступил к работе над оперой. Мусоргский добавил любовную линию, добавил Кромы, снова принес "Годунова" в Мариинский театр, и опять нашлись люди, которые выступали против. Для того времени это было слишком революционно и потому непонятно. Кстати, Мусоргского при жизни часто обвиняли, что он недостаточно знает партитуру. Даже после его смерти, когда обнаружили на его столике в больнице томик Берлиоза, учебник инструментовки, некоторые решили, что он тайком восполнял пробелы в знаниях. На самом деле, он был настолько гениальным, что не вписывался в существующие представления, он шел вперед, как позже Шостакович, которого тоже далеко не все понимали.

"Бориса Годунова" приняли, но постановка постоянно откладывалась, начались проволочки. В какой-то момент Мусоргскому просто повезло: готовился юбилей меццо-сопрано, близкой ко двору, и эта певица поставила условие - в ее юбилей должна состояться постановка "Бориса Годунова". Был успех, но было и много критики. Позже многие выдающиеся композиторы брались "улучшать" "Годунова". Римский-Корсаков сделал свою версию оперы, Шостакович - свою. Но я всегда оставался и остаюсь верен оригинальной версии, подлинной версии Мусоргского, она для меня единственно правильная и верная. Версия Римского-Корсакова прекрасная, он был большим музыкантом и ученым. У него была как бы "шикарная" оркестровка, а у Мусоргского она "говорящая". Оркестр у него "играет роль". Меня это привлекало и привлекает. Я с радостью согласился делать эту постановку, для меня счастье работать в Цюрихе, здесь прекрасные музыканты, я наслаждаюсь работой с хором, с оркестром.

В Вашей творческой географии Цюрих наряду с Веной - едва ли не самые важные города, здесь Вы ставите больше всего. Вена, понятно, это оперная столица мира. Но почему Цюрих?

Мне нравится обстановка в Цюрихе. Она какая-то почти семейная, здесь нет спешки, здесь получаешь то время, которое нужно для проработки того или иного сочинения, здесь много замечательных певцов, и публика прекрасная. И потом уровень! Цюрихский оркестр получил звание лучшего оперного оркестра Европы. Все это притягивает. Как и сам город.

Если говорить о постановочной свободе, где ее больше, здесь или в России?

В России сейчас я практически ежегодно делаю оперы, но только в концертном исполнении. Так я освобождаюсь от влияния режиссеров, их видение не всегда совпадает с моим видением и с видением авторов. Ведь опера - это музыка, музыка - первоисточник, а за ним уже следует все остальное.

Я хорошо отношусь к новациям в опере, но только это должно быть талантливо. Вместе с режиссером Купфером мы сделали "Китеж" в Австрии. "Китеж" считается очень русской оперой, традиционной, и тем не менее получилось очень современно. Все зависит от степени таланта. Ранкони в Ла Скала делал "Сказку о царе Салтане" - совершенно гениальная постановка. А если придумывать что-то, отвлекая оперную публику от музыки, развлекая ее всякими штучками - теряет смысл сам жанр. В моей жизни были случаи, когда режиссер не знал даже простейших исторических фактов. Мне приходилось его приглашать в Россию, чтобы он посмотрел, сходил в музей, пообщался с людьми. Нельзя ведь так, что раз русская опера, значит - бутылки на

сцене, Иван Сусанин с детьми пьет водку. В то время и водки-то не было!

Я думаю, надо собирать международный форум директоров театров, режиссеров, дирижеров, нужно обсуждать, спорить, и решить в конце концов, каким будет оперный жанр, каково его будущее.

С 1974 года Вы - бессменный руководитель Большого Симфонического Оркестра имени Чайковского. За это время поменялось все - страна, общество, система - а оркестр сохранился. Как вам это удалось?

Любовью. Любовью к музыке и людям. Я собирал музыкантов, буквально выуживал из Консерватории и училищ, старался привить любовь к репетициям, любовь к Оркестру. Оркестр Чайковского славится своим звуком, это очень трудно добыть. Я всегда стремился к тому, чтобы оркестр был узнаваемым - это моя идея, я этой идее служил и служу. У нас есть преемственность, семейственность в хорошем смысле, музыкальные династии. Дети приходят на место родителей, так и должно быть в жизни.

Владимир Иванович, как Вам удается сохранять такую прекрасную форму, творческую и физическую?

Со мной всегда рядом моя жена, Ольга Ивановна, и со мной всегда музыка. А еще убежденность в том, что все будет хорошо. "Верность и терпение" - как говорил Барклай де Толли. Верность и терпение.

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/6234>